

А.Крылов

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИЯ VS ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

DOI:10.20542/2073-4786-2018-2-47-53

После распада СССР «коллективный Запад» не стал выстраивать отношения с постсоветской Россией на принципах сотрудничества и взаимного учета интересов – ей было предложено «асимметричное» партнерство, где нашей стране отводилась роль второстепенного объекта политики других игроков. Та же модель «асимметричного» партнерства была предложена остальным постсоветским государствам.

США оказали политическую и финансовую поддержку первому президенту РФ Б.Н.Ельцину, который с самого начала согласился на весьма скромную для России роль младшего партнера Вашингтона. В 1990-е гг. Москва следовала в фарватере американской политики практически по всем важным международным вопросам, в том числе и на постсоветском пространстве.

После установления контроля над зонами бывшего геополитического влияния СССР в Восточной Европе и Третьем мире, США и их союзники значительно активизировали свою политику на постсоветском пространстве. Ориентированные на Запад российские политики связывали будущее РФ с ее принятием в элитный клуб наиболее развитых государств (прежде всего в G7, преобразованный после включения в него России в G8). Отношения с постсоветскими государствами рассматривались этой частью российского руководства как второстепенные по отношению к западному вектору. Подобное отношение к бывшим союзным республикам способствовало нарастанию дезинтеграционных тенденций и создавало благоприятную ситуацию для наращивания активности внешних игроков.

США/НАТО/ЕС на постсоветском пространстве

Основной целью США и их союзников стало установление контроля НАТО над постсоветским пространством. Необходимым условием этого было дальнейшее ослабление России и блокирование интеграционных тенденций. Как подчеркивает А.А.Куртов, задача эта решалась прежде всего на

уровне новых элит: путем весьма продуманной, кропотливой и целенаправленной работы были созданы целые страты в элитных группах, которые ориентировались и действовали в соответствии с определенным образом очерченными поведенческими установками. Последние предполагали искаженное восприятие образа России как “темной” силы, исторически якобы препятствовавшей прогрессивному развитию государств региона. Отношения с Россией изображались как нечто атактистическое, вредное и ненужное. При этом временной фактор, казалось, шел на пользу именно такой линии. Ведь естественная смена поколений в политической элите неизбежно должна была привести к появлению в ее рядах молодых акторов, мышление которых сформировалось в иных исторических реалиях, нежели у прежних лидеров, родившихся и выросших в период существования СССР. С учетом этого обстоятельства, на Западе питали надежды на умаление роли русского языка и культурной близости с Россией вообще в процессе социализации таких новых элитных групп.¹ Подобные надежды в значительной степени оправдались, и отношения России с некоторыми из постсоветских государств приняли конфронтационный характер.

В начале XXI века казалось, что Россия будет продолжать играть роль «младшего партнера» Вашингтона. Осенью 2001 г. Москва безоговорочно поддержала операцию США и их союзников в Афганистане и согласилась на создание американских военных баз в государствах Центральной Азии. Россия была вынуждена смириться с расширением НАТО на восток. В декабре 2001 г. США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО.² В это время наши западные партнеры всерьез рассматривали идею установления своего контроля над ядерными (в том числе военными) объектами России, которая якобы была не в состоянии обеспечить их безопасность собственными силами.

Другая характерная для того времени идея состояла в том, чтобы перевести российские углеводородные богатства в разряд «общего достояния человечества» (таких, как мировая атмосфера) с передачей их под контроль «достойных» членов международного сообщества.³ В отношении других бо-

¹ Куртов А.А. Россия и Центральная Азия // Россия в Азии: проблемы взаимодействия. М., РИСИ, 2006. С. 227-228.

² 13 декабря 2001 г. президент Дж. Буш выступил с формальным уведомлением о выходе США из Договора по ПРО. В соответствии со статьей 15 Договора, дата окончательного выхода США из этого соглашения наступила спустя шесть месяцев, 13 июня 2002 г.

³ См. об этом: Нарочницкая Н. *Nota bene!* Российские природные ресурсы предлагается объявить «собственностью человечества» // Аналитические записки. 2003. №8. С. 37-42; Кры-

гатых нефтью и газом государств ничего подобного не предлагалось, и это свидетельствует о том, насколько низко оценивались будущие перспективы России.

На Западе распространилось мнение, что Россия может повторить судьбу СССР и уже в ближайшем будущем распасться на части. «Не Китай и даже не Иран, а именно Россия станет в ближайшее время полем ожесточенной войны. Ее будут рвать на части Запад, Китай и Исламский мир в кровавом сражении за громадные минеральные ресурсы – нефть и газ», – прогнозировал, к примеру, немецкий военный эксперт Петер Шолл-Латур.⁴ Подобные пессимистичные взгляды в отношении России были характерны и для части отечественных экспертов.⁵

В условиях однополярного мира выбор постсоветских государств, в том числе – для России, в пользу присоединения к «золотому миллиарду» мог показаться выгодным и даже безальтернативным. В соседних с РФ постсоветских государствах выбор в пользу «коллективного Запада» происходил в форме постепенного дистанцирования от России, либо радикального разрыва, вплоть до готовности к военной конфронтации (Грузия, Украина).

Власти США переоценили пределы своего могущества и оказались не в состоянии утвердить однополярную модель мироустройства. Уже к началу второго десятилетия XXI века стало очевидным, что США утратили свое господствующее положение на международной арене ввиду наращивания влияния и экономической мощи не входящих в «коллективный Запад» организаций и государств (БРИКС, ШОС, Китай, Индия).

Возврат на международную арену России в качестве одного из основных мировых игроков ускорил процесс формирования многополярной системы мироустройства. При этом российское руководство, расценивающее распад СССР как величайшую трагедию XX века,⁶ осознает нереальность идеи реинтеграции постсоветского пространства в рамках одного

лов А.Б. Новые перспективы России на международной арене // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №7. С. 91.

⁴ Россия будет стерта с лица Земли. 03.07.2006 // <https://www.obozrevatel.com/news/2006/7/3/121959.htm>

⁵ См., к примеру: Итоги с Владимиром Путиным: кризис и разложение российской армии. Доклад Института национальной стратегии. М., ноябрь 2007 г., с. 66.

⁶ Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. 13.06.2017 //

<https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html>

государства и не считает целесообразным восстановление СССР в каком бы то ни было виде.⁷

Во втором десятилетии XXI века постсоветское пространство превратилось в арену острого противостояния России и США. Вашингтон осознал утопичность расчетов на установление евроатлантического контроля над всем постсоветским пространством и перешел к курсу на его «освоение» по частям. При этом в последние годы США явно стремятся переложить издержки от своей политики на европейских союзников и те постсоветские государства, которые используются в качестве инструментов антироссийской политики. Высокая степень зависимости брюссельской бюрократии и некоторых членов ЕС от администрации США превращает их в таких же акторов без суверенитета, какими являются ныне некоторые постсоветские государства.

Новые государства Евразии: выбор своего пути

Было бы неверно рассматривать небольшие по своим размерам постсоветские государства исключительно как объекты политики США и других ведущих мировых игроков. За четверть века после распада СССР идеи независимости и суверенитета стали доминирующими в соседних с Россией странах. На смену представлениям об исторической и цивилизационной общности пришли концепции собственной национальной уникальности и стремление дистанцироваться от РФ.

Большинство постсоветских государств избрало концепцию «многовекторности» в качестве основы своей внешней политики.⁸ Однако западные партнеры фактически не признавали за бывшими советскими республиками права на проведение независимой внешней политики и требовали сделать однозначный выбор исключительно в свою пользу. Политика США и ЕС по превращению постсоветских государств в акторов без суверенитета изначально не предполагала равноправных отношений и существенно ограничивала возможности новых независимых государств по выстраиванию внеш-

⁷ Путин не собирается восстанавливать СССР // Российская газета. 24.05.2014.

⁸ См. подробнее: Чуфрин Г.И. Концептуальные аспекты внешнеполитической стратегии постсоветских стран // Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 10-26

ней политики на основе принципа «многовекторности». На практике декларация многовекторной политики часто означала максимальное дистанцирование от России, что противоречило национальным интересам самих постсоветских государств.

Возвращение Крыма в состав РФ было воспринято правящими элитами и определенной частью общества в контексте сакрального характера собственной независимости и суверенитета. Поэтому действия России вызвали опасения как прецедент, который может представлять угрозу даже ее союзникам по ОДКБ и ЕАЭС.

Несмотря на многочисленные внешние и внутренние факторы, которые осложняют развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве, было бы преувеличением считать, что в регионе преобладают исключительно центробежные тенденции. Те государства, которые руководствуются собственными национальными интересами и сознают потенциальные выгоды интеграции, основали 1 января 2015 г. новое интеграционное объединение – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого в настоящее время являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия.

История различных интеграционных проектов на постсоветском пространстве была сложной и противоречивой. Будущее этих проектов не может рассматриваться как гарантированно успешное. Однако при этом очевидно, что ОДКБ и ЕАЭС оказывают значительно большее влияние на постсоветском пространстве, чем предлагаемые «коллективным Западом» интеграционные альтернативы в виде ГУАМ или Восточного партнерства.

Евразийский вектор политики России

Успешное развитие ЕАЭС и ОДКБ затрудняется наличием внутренних противоречий – частично это результат сохраняющейся специфики в отношениях РФ с бывшими союзными республиками. В этих условиях для России приобретает особую актуальность идея географического расширения евразийских интеграционных проектов. Закономерно, что в отличие от СНГ, которое изначально объединяло только бывшие советские республики, границы ЕАЭС больше не ограничиваются постсоветским пространством, и перспективы его дальнейшего расширения распространяются на государства «Дальнего Зарубежья».

В июне 2016 г. Россия предложила новый глобальный проект интеграции евразийского пространства. На Петербургском международном экономическом форуме В.В.Путин выдвинул идею «Большой Евразии» – формирования нового Большого Евразийского партнерства (БЕП) путем расши-

рения интеграционного контура ЕАЭС в направлении государств, с которыми сложились тесные отношения (Китай, Индия, Пакистан, Иран, Вьетнам и др.).⁹ В.В.Путин подчеркнул, что европейские страны могут принять участие в проекте БЕП на равноправной, взаимовыгодной основе. Очевидно, однако, что в условиях конфликта с «коллективным Западом» российское руководство осознало утопичность надежд на формирование трансконтинентального экономического сообщества «от Лиссабона до Владивостока» и намерено сделать основными направлениями своей интеграционной активности восточное и южное.

В мае 2017 г. в Пекине В.В.Путин подчеркнул, что проект Большая Евразия имеет не только экономическое, но и политическое содержание: «Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни. Нашим гражданам нужны очень понятные вещи: безопасность, уверенность в завтрашнем дне, возможность трудиться и повышать благосостояние своих семей. Обеспечить им такие возможности – наш общий долг и общая ответственность. И в этом отношении Большая Евразия – это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее».¹⁰

* * *

Перспективы развития постсоветских государств будут определяться их выбором в пользу одной из двух основных имеющихся исторических альтернатив. Первая предполагает однозначный евроатлантический выбор и делегирование своего суверенитета «коллективному Западу». После отказа России следовать этим путем она стала рассматриваться в качестве одного из основных противников США/НАТО/ЕС на международной арене.

Остальные постсоветские государства, по определению директора программы российских и евразийских исследований Центра Карнеги в Вашингтоне Е.Румера, превратились после событий 2014 года в «некую серую зону геополитической неопределенности», так как политика России сделала

⁹ Ключ к решению проблем: Путин предлагает создать большое евразийское пространство. 17.06.2016 // <http://rusnext.ru/news/1466196309>

¹⁰ Большая Евразия – это цивилизационный проект, устремленный в будущее. 15.05.2017 // <http://eurasianinfoleague.com/rossiya/item/35770-bolshaya-evraziya-eto-tsivilizatsionnyj-proekt-ustremljonnyj-v-budushchee.html>

невозможным дальнейшее распространение НАТО на Восток, а США и их союзники теперь не в состоянии дать необходимые гарантии Украине или Грузии.¹¹ Очевидно, что для «коллективного Запада» именно «геополитическая неопределенность» постсоветских государств предопределяет использование их территории в качестве плацдарма в конфронтации с Россией и для экспансии во внутренние районы Евразии.

Индия и Китай предлагают государствам Евразии свои интеграционные проекты, которые можно назвать новыми моделями глобализации. Китай начал осуществление проекта «Один пояс – один путь», призванного связать Центральную, Западную, Юго-Восточную Азию и Восточную Европу. Индия предложила трансконтинентальный проект строительства Международного транспортного коридора (МТК) «Север–Юг» от Индии до России.¹²

Глобальные интеграционные проекты России, Индии и Китая не имеют конфронтационного характера, дают возможность их сопряжения и гармонизации. Их успешное претворение в жизнь позволит обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие и окажет стабилизирующее влияние на ситуацию на постсоветском пространстве, в Большой Евразии и в мире в целом.

¹¹ Е. Румер: Приглашать Грузию в НАТО без пятой статьи устава – как выписывать чек без подписи. 16.02.2018 //

https://www.ekhokavkaza.com/a/29044444.html?utm_source=dlvr.it&utm_medium

¹² См. подробнее: Володин А.Г. Интересы Индии в Центральной Азии // Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 145-154